ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

2025. Том 18. Выпуск 3 | 2025. Volume 18. Issue 3

ISSN 2618-9690 (print)

Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Значение термина «постпостсекулярность» в трудах Сергея Булгакова

Тонковидова А. В., Орлов М. О.

Аннотация. Цель исследования – уточнить значение термина «постпостсекулярность», рассмотрев его представленность в современном философском дискурсе и, отталкиваясь от классического понимания термина «постсекулярность» у Ю. Хабермаса, найти значение и теоретические основания понятия «постпостсекулярность» на основе трудов С. Булгакова. Новизна исследования состоит в уточнении содержательного значения данного понятия при определении параметров достижения постпостсекулярности на основании учения о соборности С. Булгакова: целеполагание в направлении вечности с одновременной погруженностью в историческую реальность, уход от избранности и замкнутости, замена религии на непосредственное единство человека и Бога в реальном Царстве Божием, идея Богочеловечества, общественное единство и рассмотрение постпостсекулярности как формы соборного единства, присутствующей в исторической реальности и устремленной в вечность, где преодолевается разобщенность религиозного и светского, человека, общества, церкви, Бога, или состояния Богочеловечества, при котором достигаются параметры соборного единства. В результате исследования было выявлено, что перспективное видение общественности как религиозной, так и светской у С. Н. Булгакова, которое возможно интерпретировать в том числе как зародыш теории постпостсекулярности, где нет изолированных светскости и религиозности, а есть единый диалектический процесс в форме «положительной диалектики» становления соборности в историческом плане, предшествовало хабермасовскому постсекулярному подходу с идеей солидарности.

EN

The meaning of the term “post-postsecularity” in the works of Sergei Bulgakov

A. V. Tonkovidova, M. O. Orlov

Abstract. The research aims to clarify the meaning of the term “post-postsecularity”, considering its representation in modern philosophical discourse and, starting from Jürgen Habermas’s classical understanding of the term “postsecularity”, to find the meaning and theoretical foundations of the concept of “post-postsecularity” based on the works of Sergei Bulgakov. The novelty of the research lies in clarifying the substantive meaning of this concept in determining the parameters for achieving post-postsecularity based on S. Bulgakov’s doctrine of sobornost (spiritual community): setting goals in the direction of eternity with simultaneous immersion in historical reality, moving away from chosenness and isolation, replacing religion with the direct unity of man and God in the real Kingdom of God, the idea of theanthropism, social unity, and considering post-postsecularity as a form of sobornost unity present in historical reality and directed towards eternity, where the disunity of the religious and secular, man, society, church, God is overcome, or a state of God-manhood in which the parameters of sobornost unity are achieved. As a result of the research, it was revealed that S. N. Bulgakov’s prospective vision of the public, both religious and secular, preceded Habermas’s postsecular approach with the idea of solidarity. This vision can be interpreted, among other things, as the seed of the theory of post-postsecularity, where there is no isolated secularity and religiosity, but a single dialectical process in the form of a “positive dialectic” of the historical formation of sobornost.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что упоминание термина «постпостсекулярность» прослеживается в современном философском дискурсе, но мы не находим в настоящее время определений данного термина в философских и толковых словарях ни в отечественных, ни в зарубежных. Отсутствует устоявшаяся и однозначная трактовка термина «постпостсекулярность», и дискуссионным остается вопрос возможности включения данного термина в объем социально-философских понятий.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20250161

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Необходимость прояснения значения термина «постпостсекулярность» обусловлена тем, что в настоящее время при широком освещении и глубокой изученности понятия «постсекулярность», введенного в философский дискурс Ю. Хабермасом, значение термина «постпостсекулярность» не уточнено как в своем непосредственном значении, так и по отношению к термину «постсекулярность». Также очевиден вопрос нахождения теоретических оснований, связанных с основной проблематикой постпостсекулярности в русской историко-философской мысли, где мы можем обнаружить возможность формирования «идеологии любви и жизнесозидания» (Рожков, Богатов, 2025). В нашем исследовании мы обратимся к изучению значения термина «постпостсекулярность» на основании трудов С. Булгакова.

Задачи исследования: 1) изучить содержательные характеристики термина «постпостсекулярность» в работах отечественных и зарубежных авторов XXI века; 2) рассмотреть значение термина «постсекулярность» в трудах Ю. Хабермаса с целью дальнейшего сопоставления с термином «постпостсекулярность»; 3) определить значение и выявить теоретические основания термина «постпостсекулярность».

В качестве методов исследования мы обратились: 1) к терминологическому анализу для уточнения понимания термина «постпостсекулярность» в современной философской литературе; 2) к биографическому методу, который позволил выявить общие истоки постсекулярного миропонимания у Ю. Хабермаса и постпостсекулярного миропонимания у С. Н. Булгакова в их увлечении марксистской теорией на ранних этапах творчества; 3) метод философского полилога позволил нам установить самобытность подхода С. Н. Булгакова к вопросу светского и религиозного на основании учения о соборности и метода «положительной» диалектики.

Теоретической базой исследования послужили работы, в которых изучен вопрос постсекулярного и постпостсекулярного (Щипков, 2024; Кырлежев, 2004; 2011; 2012; Узланер, 2019; 2020, Герасимов, 2017; Possamai, Possamai-Inesedy, 2021; Possamai, 2025; Breskaya, Giordan, Zrinščak, 2021; Beck, 2023; Shook, 2023).

Практическая значимость исследования состоит в уточнении социально-философской категории «постпостсекулярность» с последующей возможностью включения в философские словари трактовки понятия постпостсекулярного с использованием текстов С. Н. Булгакова.

Обсуждение и результаты

Терминологический анализ философских работ отечественных и зарубежных авторов показал, что термин «постпостсекулярность» в них присутствует.

Термин упоминается в работе С. В. Герасимова, который в раскрытии его контекста обращается к мыслям М. Ратти о возможности преодоления кризиса постсекулярного посредством выхода через диалог культур к постпостсекулярному обществу с равнозначностью всех религий (Ratti, 2013; Герасимов, 2017).

Василий Щипков в монографии «Генеалогия секулярного дискурса» термин «постпостсекулярность» упоминает при анализе работ Кырлежева, отмечая, что «постсекулярная концепция разовьется в постпостсекулярную» в диалектическом аспекте. Постпостсекулярность – это не наличное состояние, а возможная стадия становления (Щипков, 2024, с. 576).

В работах зарубежных авторов мы также находим упоминание термина «пост-пост-секулярность». Важно отметить, они относят его к периоду, который уже реализуется в социальности. А. Поссамаи с соавтором (Possamai, Possamai-Inesedy, 2021) видит значение термина как «этапа постпостсекулярности», где устанавливается ситуация доминирования ряда избранных религий над остальными религиями. У А. Поссамаи постпостсекулярность представлена как секуляризм выхода из секуляризма. Автор утверждает, что «секуляризм больше не является доминирующим дискурсом в публичной сфере, и это подчеркивает изменения, которые знаменуют переход к фазе пост-пост-секуляризма» (Possamai, 2025).

О. Бреская, Г. Гиордан, С. Зринщак (Breskaya, Giordan, Zrinščak, 2021) устанавливают значение термина «пост-пост-секулярность» как особого этапа развития культуры.

Л. Бек (Beck, 2023) связывает значение термина «пост-пост-секулярность» с ростом роли религиозных практик в политической сфере, в частности молитв.

Дж. Р. Шук (Shook, 2023) пишет, что «настало время для пост-пост-секуляризма», вынося термин «постпост-секуляризм» в название своей статьи и говоря о том, что нужно прийти к новому этапу секуляризма, в котором учтены все современные реалии.

Нами установлено, что среди отечественных и зарубежных исследований присутствует лишь одна статья Дж. Шука, в название которой включен термин «пост-пост-секуляризм». Интересен факт различных трактовок написания данного термина (через дефис у зарубежных авторов – “post-post-secularism” («пост-пост-секуляризм») и без дефиса – у отечественных авторов «постпостсекуляризм»), что свидетельствует о том, что термин окончательно не закрепился в социально-философском дискурсе. Но во всех исследованиях термин «постпостсекулярность» употребляется и соотносится с термином «постсекулярность».

Термин «постпостсекулярность» имеет различные значения и способы написания. В содержательном плане под ним понимается либо наличное состояние общественных отношений, либо ориентир для будущего развития как присутствующее диалектическое противоречие в секулярном, постсекулярном. Постпостсекулярность представлена как этап развития культуры, где религиозное преобладает над светским, с обязательным включением религиозных практик в политические практики, что обозначается как «пост-пост-теократия» (Beck, 2023).

Для уточнения значения понятия «постпостсекулярность» мы обращаемся к изучению второй задачи нашего исследования, состоящей в раскрытии значения термина «постсекулярность». Стоит упомянуть,

что данное понятие впервые формулируется у Ю. Хабермаса (Хабермас, Ратцингер, 2006, с. 49, 55, 61), который транслирует его в свете гегелевского диалектичного миропонимания в традиции своего увлечения неомарксизмом в ранний период творчества. Хабермас замечает, что в диалектике становления общество может с помощью диалектического мышления прийти к солидарному способу бытия духа в постсекулярном, то есть интегральном, или солидарном, религиозно-светском обществе. Диалектика прослеживается в том, что на первом этапе определяется момент антиномичности, в котором религиозность и секулярность противостоят друг другу. Солидарность же предполагает в постсекулярном обществе диалектическую координацию светского и религиозного, выносимого в сферу индивидуального проживания.

С точки зрения Ю. Хабермаса (Хабермас, Ратцингер, 2006), религия в современном обществе не отвергается и больше не рассматривается как идеология. Религия восполняет утрату смысла в современной жизни, выступая источником мудрости. Вместе с тем религиозное миропонимание не является заменой светскому миропониманию, а лишь дополняет его не только в частной, но и в общественной жизни, что Ю. Хабермас называет «постметафизическим мышлением о религии» (Хабермас, Ратцингер, 2006). Хабермас уточняет определение «постсекулярного», отмечая, что «постсекулярный» рассматривается как социологическое описание сдвига в осознании в значительной степени секуляризованных или «нецерковных» обществ, которые к настоящему времени стали мириться с продолжающимся существованием религиозных общин и с присутствием религиозных взглядов как в национальной общественной сфере, так и в глобальном политическом измерении (Хабермас, Ратцингер, 2006, с. 49, 55, 61). Философ отмечает, что именно историческая одновременность форм светской мысли и религиозное сознание, которое теперь разошлось на полярные противоположности, подтолкнули его исследовать общую генеалогию постметафизического мышления и религиозного мира. Его мысль о постсекулярном состоянии важна постольку, поскольку она обращается к человеческому состоянию светского, современного существования и к недостаткам, присущим ему.

Хабермас призывает к переоценке роли религии в публичной сфере в социальном и политическом контексте, определяемом условиями постсекулярного общества. Согласно постсекулярному пониманию общества, религия не рассматривается как пережиток прошлого, а является неотъемлемой частью эволюции светского дискурса вместе с метафизической мыслью и сохраняет свое влияние в публичной сфере неизменным на фоне процесса модернизации (Habermas, 2008b).

Понятие «постсекулярное общество» не понимается по схеме исторической и хронологической преемственности, а носит нормативный характер, который, не отсылая к структурным изменениям в моральной и социальной реальности, выражает, скорее, изменение секулярного самосознания (Habermas, 2010a, p. 3-4).

В связи с реформированной концепцией современности начинает снижаться уверенность в том, что в ходе процесса модернизации религия имеет тенденцию к исчезновению (Habermas, 2010b, p. 18; 2008a, p. 242, 308; 2008b, p. 21). Через критику процесса модернизации становится актуальным центральный вопрос о «неосуществленной программе просвещения» (Habermas, 1997). Ю. Хабермас отмечает, что «рынки и власть бюрократии устраняют социальную солидарность… из все большего числа областей повседневной жизни» (Habermas, 2008a, p. 45-46).

Постметафизическое мышление находит в религии источник концептуального содержания, способный привести к расширению нормативных рамок практического дискурса. Важнейшим элементом, который здесь проявляется, является практическое измерение диалога постметафизической мысли, которую С. М. Малкина (2015) рассматривает в своем исследовании, с религией. Более конкретно, как отмечает Хабермас, через диалог с религией «этика диалога стремится перевести Категорическую заповедь на язык, который позволяет нам, кроме того, распознать другую интуицию – упоминание – в чувстве солидарности, в связи члена сообщества с другими членами» (Habermas, 2002, p. 163). Диалог постметафизической мысли с религией отвечает преимущественно политической задаче, которая стремится интегрировать в рамки теории общества практическое измерение открытости боли и несчастью через мобилизацию концепции солидарности против разрушительных последствий модернизации. Диалог постметафизической мысли с религией принимает форму реформированной генеалогии речи, включающей в себя практическое требование освобождения от гнетущих социальных отношений. В реконструкции диалога философии и религии, развитой Хабермасом, обращение дискурса к своим корням знаменует собой одновременно расширение нормативных рамок практического дискурса. Столкнувшись с распространением цинизма, практический дискурс находит в религии необходимую здесь расширенную антропологическую систему координат.

По мнению Хабермаса (Habermas, 2008a), важным вкладом религии в общественную сферу является актуализация моральных идей, выходящих за рамки научного дискурса, которые могут стать средством критики нормализации насилия и страданий. Эта перспектива могла бы способствовать оживлению демократической публичной сферы в направлении уважения плюрализма форм жизни, но в то же время и критики цинизма (Habermas, 2008a, p. 240-241).

Хабермас предлагает концепцию постсекуляризма в контексте растущего религиозного сознания и борьбы в современном мире. Концепция права на религию и религиозную практику в соответствии с либеральной конституцией была исторически сложившимся правом, концепция постсекуляризма возникла в результате провала процесса секуляризации во всем мире. Исходя из теории Ю. Хабермаса, не нужно соглашаться с радикальным просветительским отказом от религии, чтобы практиковать прогрессивную политику. Однако недовольство концепцией прежнего права на религию, а позднее концепциями постсекуляризма, исходит

из того факта, что практика этих прав и концепций в реальном мире не является ни простой, ни беспроблемной. В мире, где религиозные раздоры настолько преобладают в реальности, значение имеет степень секуляризма, насаждаемая государствами в целях управления и смягчения религиозных распрей.

Такие метатеории, как марксизм и модернизация, предсказывали исчезновение религии. Однако при ответе на вопрос, почему этого не произошло или не случается, нам необходимо учитывать факт либеральной теории и либеральной философии предоставления индивидуальных и групповых прав исповедовать веру и религию. Государства, организованные на основе положений либеральной теории, допускают это. В границах либеральной теории вопросы о разумности или иррациональности веры, или религии, или традиции не имеют значения. Поскольку право на вероисповедание предоставлено как право, граждане имеют всю свободу практиковать (а иногда и пропагандировать) религию, какой бы рациональной или иррациональной ни была практика такой религии. Часто это может привести к религиозному конфликту, и поэтому роль государства по отношению к религии становится все более очевидной.

Допуская право на веру и религию, светские общества разрешают религиозную практику как в общественной, так и в частной сфере. В какой степени может быть реализована религиозная практика в общественной жизни, зависит от линий, проводимых государством в отношении практики религии и религиозных традиций.

Проблемы с вышеупомянутым понятием равного обращения со всеми религиями в соответствии с конституцией возникают, когда сами религиозные общины располагаются неравномерно с точки зрения демографии и политического значения. Таким образом, когда религиозные общины разделены по признаку общин большинства и меньшинства, вопрос толерантности друг к другу и особенно толерантности к превращению меньшинств в сообщество большинства становится чрезвычайно значимым. Таким образом, поскольку общины большинства приходят к власти благодаря своему демографическому преобладанию, они также несут бремя поддержания религиозной толерантности и прав религиозных меньшинств. Трудности начинаются тогда, когда этого не происходит.

Утверждение Хабермаса о методологическом атеизме не является беспрекословным. Это становится вопросом простого поддержания закона и порядка. До тех пор, пока религиозная практика человека X не причиняет вреда человеку Y и наоборот, оба могут исповедовать свою религию в абсолютной свободе.

Вместе с тем досекулярная лояльность и идентичность религии остаются весьма заметными. Однако поскольку принуждение или навязывание политического секуляризма со стороны государства не является доступным вариантом для этих обществ, равно как и строгое разделение государства и религии, возможен только диалог между разнообразными традициями и религиями. Однако для того чтобы диалог шел на равных, не должно быть ни межрелигиозного доминирования, ни внутрирелигиозного доминирования. Диалогическая практика не может быть реализована в обстоятельствах, где одна религия преобладает над другими. Это приведет лишь к политическому доминированию одной религии над другими. Вторая проблема – доминирование светского над религиозным.

Теория Хабермаса дает многообещающее объяснение религии и религиозных традиций. Однако решающим моментом является то, что Хабермас все еще пытается объяснить религию как религию. Мы не можем рассматривать современный подъем религиозной активности с точки зрения лишь провала одного тезиса о секуляризации.

Обратившись к третьей задаче нашего исследования, мы исходим прежде всего из того, что, применив метод философского полилога, возможно и в отечественной философской традиции найти уникальную традицию понимания взаимодействия светского и религиозного оснований общественности. Применив биографический метод, мы устанавливаем, что у Сергея Булгакова и Юргена Хабермаса присутствует общая точка в биографии – увлечение на ранних этапах творчества философией марксизма, что повлияло на дальнейший вектор проведения ими исследований светского и религиозного.

Несмотря на то, что сам термин «постсекулярный» возникает у Ю. Хабермаса, модель взаимодействия светского и религиозного, которая может быть рассмотрена, на наш взгляд, как следующая уже после хабермасовской «постсекулярной модели» и которую мы можем условно назвать «постпостсекулярная» (Тонковидова, Бойко, 2022, с. 29), обнаруживается, посредством применения метода концептуализации, в концептуальной модели соборности С. Булгакова, где мы определяем социально-онтологический и символически-смысловой уровни (Орлов, Тонковидова, 2024).

Используя логическую процедуру определения понятий, вначале нам требуется найти родовое понятие по отношению к определяемому понятию. Таким образом, «постпостсекулярность» – это определенный этап развития секуляризма, следующий за этапом «постсекулярности». И отличительные характеристики данного этапа мы устанавливаем на основании учения о соборности С. Булгакова, рассматривая значение термина «постпостсекулярность», находим его теоретические основания. Понимание теории «постпостсекулярности» связано с теми смыслами, которые вкладываются С. Булгаковым в значение характеристик социально-онтологического уровня концептуальной модели соборного единства.

И, если хабермасовская модель «постсекулярности» предполагает не пересечение, а координацию светского и религиозного, то у С. Булгакова светское и религиозное рассматриваются как различные диалектические формы соборности в единой религиозно-светской социальности.

На основании работ С. Булгакова мы можем определить параметры, достижение которых говорит о приближении к «постпостсекулярности».

Одним из параметров определяется целеполагание в направлении вечности с одновременной погруженностью в историческую реальность (Булгаков, 2008, с. 302).

Следующим параметром является уход от избранности и замкнутости, наблюдаемых в религиозности и в светскости: «…христиане должны встать в общую запряжку истории», решая «общегуманистические задачи» (Булгаков, 2008, с. 249, 250).

Важным параметром «постпостсекулярности» выступает замена религии, которая определяется как некое переходное состояние с присутствием культа, ограниченного временными, пространственными характеристиками, на непосредственное единство человека и Бога в реальном Царстве Божием в состоянии соборности, где «вся жизнь явится богодейственным богослужением» (Булгаков, 2017, с. 116).

Общественное единство мы также с опорой на тексты С. Булгакова можем выделить в качестве параметра достижения «постпостсекулярного». «Единый мир – всеобщее, универсальное сказуемое, область бытия, и множественность ипостасных центров» (Булгаков, 1993, с. 405). Соборность – это «единство во множестве» (Булгаков, 1993, с. 411).

Христианская политика должна соответствовать соборному социальному идеалу, объединять людей различных религиозно-философских взглядов (Булгаков, 2009, с. 40).

Основываясь на методе философского полилога, в качестве уникальной особенности учения С. Булгакова мы устанавливаем символизм в описании деятельности, или аскезы, личности, направленной на достижение соборности в социальной реальности. С. Булгаков использует символику подвижничества, чертами которого выступают «порядочность, дисциплинированность, трудоспособность, смирение, самоконтроль» (2011, с. 294). Ориентиром для личности становится переход на уровень служения и следования долгу по всем направлениям общественных практик (Булгаков, 2008, с. 228; 2011, с. 234).

Достичь определенных нами выше параметров возможно через смирение, или «нравственно-духовной самопроверкой», согласованной с максимализмом действий, приравненных к послушанию, то есть аскезе, окрашенной велением долга и совестью, что определяется в историчности и в установлении межпоколенных связей, идее братства народов, равенства людей и достоинстве личности.

У С. Булгакова в его перспективном видении становления общественности мы прослеживаем уход от разделенности светскости и религиозности. Хабермасовская «координация» преодолевается в единой религиозно-светской общественности, основанной на соборных основаниях. Отталкиваясь от марксизма, переходя к идеализму, С. Н. Булгаков идет дальше, чем Ю. Хабермас. Он, по В. П. Рожкову (2009), создает «положительную диалектику». Положительная диалектика распространяется им на понимание общественности, где религиозность и светскость рассматриваются как нераздельное единство, вневременное единство или Богочеловеческое единство. Основополагающее значение в данном случае отводится личности, которая в своей деятельности может достичь единства в общественном измерении (Булгаков, 2008, с. 342, 189). Важно отметить и символизацию в описании данного действенного общественного единства светскости и религиозности в символах «подвижничества», «героизма» и «симфонии» (Орлов, Тонковидова, 2024). Прослеживается онтологизация понимания соборности, то есть целеполаганием для общественности выступает направленность к единству с Божественным, реальным и действенным единством (Булгаков, 2017, с. 264). Обратившись к работам С. Булгакова, мы находим в них ответы на вопрос, каким образом на основании соборного принципа возможно достичь в обществе не коллективности, координации, субординации в ситуации солидарности, а соборности, единства целого во множестве.

Заключение

Изучив значение термина «постпостсекулярность» в современных философских исследованиях отечественных и зарубежных авторов, нами было установлено, что данный термин: во-первых, в них присутствует, но крайне редко выступает отдельным предметом исследовательского анализа, зачастую упоминаясь в связи с проблемой «постсекулярности», имеет различные варианты как написания, так и различные содержательные характеристики (понимается как этап развития культуры, описывает координацию различных религиозных организаций и объединений, в том числе их доминирование относительно друг друга, описывает ситуации проникновения религиозных практик в политическую сферу общества, выступает возможным в диалектическом становлении этапом становления общественных отношений и связей светского и религиозного).

В ходе проведенного исследования было установлено, что, воодушевленные своим увлечением различными интерпретациями марксизма на ранних этапах творчества, и Ю. Хабермас, и С. Булгаков преодолевают его в дальнейшем. И в данном преодолении мы обнаруживаем постсекулярное и постпостсекулярное миропонимания – у Ю. Хабермаса и С. Булгакова соответственно. Можно сделать вывод, что общим в концепциях мыслителей является единый теоретический источник их философских исследований, или марксизм. Различие вышеупомянутых постсекулярного и постпостсекулярного миропониманий состоит в том, что у Ю. Хабермаса мы видим попытку установления координации светского и религиозного, где их объемы, ни полностью, ни частично не пересекаются. Религиозное допускается в пределах, которые позволяют уравновешивать противоречивость светского. Диалог постметафизической мысли с религией отвечает преимущественно политической задаче, которая стремится интегрировать в рамки теории общества практическое измерение открытости боли и несчастью через мобилизацию концепции солидарности против разрушительных последствий модернизации. Столкнувшись с распространением цинизма, практический дискурс находит в религии необходимую здесь расширенную антропологическую систему координат.

В учении С. Булгакова мы обнаруживаем «положительную диалектику» или непосредственное единство светскости и религиозности. Нет отдельных религиозности и светскости, а есть единая религиозно-светская общественность. Светскость в данном булгаковском постпостсекулярном контексте выступает одной из форм религиозности, одной из форм соборного единства в отрицательном своем значении, или противоположным полюсом соборности.

Опираясь на труды С. Булгакова, возможно выявить параметры достижения постпостсекулярности (целеполагание в направлении вечности с одновременной погруженностью в историческую реальность, уход от избранности и замкнутости, замена религии на непосредственное единство человека и Бога в реальном Царстве Божием, общественное единство) и дать определение термину «постпостсекулярность». Это форма соборного единства, присутствующая в исторической реальности и устремленная в вечность, где преодолевается разобщенность религиозного и светского, человека, общества, церкви, Бога, или состояние Богочеловечества, при достижении параметров соборного единства.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать установление влияния двух направлений постсекулярного миропонимания как на русскую философскую мысль, так и на зарубежную, а также детальный анализ солидарной модели общественности и соборной модели общественности.

Источники | References

1. Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. М.: Астрель, 2008.
2. Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Мн.: Издательство Белорусского Экзархата, 2011.
3. Булгаков С. Н. Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии.
4. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009.
5. Булгаков С. Свет невечерний: созерцания и умозрения. М.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2017.
6. Герасимов С. В. Постсекулярность как индикатор расширения и смены концепта реальности // Человек. Культура. Образование. 2017. № 4 (26).
7. Кырлежев А. И. Постсекулярная концептуализация религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2.
8. Кырлежев А. И. Постсекулярная эпоха // Континент. 2004. № 120.
9. Кырлежев А. И. Постсекулярное: краткая интерпретация // Логос. 2011. № 3.
10. Малкина С. М. Аналитика постметафизического мышления у Ю. Хабермаса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15. № 3.
11. Орлов М. О., Тонковидова А. В. Концептуальная модель соборности в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX веков // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 9 (491).
12. Рожков В. П. Методологические основания «нового религиозного сознания» в философии В. С. Соловьева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9. № 4.
13. Рожков В. П., Богатов М. А. Идеология, секуляризация и религиозная философия: к вопросу о современном положении России // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2025. № 1 (28).
14. Тонковидова А. В., Бойко П. Е. Соборность как форма онтологии культуры в трудах Вл. Соловьёва, П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Бердяева сквозь призму гегелевской диалектики // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6. № 4.
15. Узланер Д. А. Конец религии? История теории секуляризации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
16. Узланер Д. А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке М.: Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, 2020.
17. Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии / пер. с нем. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006.
18. Щипков В. А. Генеалогия секулярного дискурса: монография. М.: Московский государственный институт международных отношений – Университет, 2024.
19. Beck L. Local Government Prayers in Australia // Journal for the Academic Study of Religion. 2023. Vol. 36. No. 1.
20. Breskaya O., Giordan G., Zrinščak S.Introduction: Religious freedom: between governance and social perception Introduction: Liberté religieuse: entre gouvernance et perception sociale // Social Compass. 2021. Vol. 68. No. 3.
21. Habermas J. A postsecular world society? On the philosophical significance of postsecular consciousness and the multicultural world society. An interview with Jürgen Habermas by Eduardo Mendieta // Social Science Research Council. The Immanent Frame. 2010a. https://tif.ssrc.org/wp-content/uploads/2010/02/A-Postsecular-World-Society-TIF.pdf
22. Habermas J. An awareness of what is missing // Habermas J., Cronin C. An Awareness of What Is Missing: Faith and Reason in a Post-Secular Age. Cambridge: Polity Press, 2010b.
23. Habermas J. Between naturalism and religion: Philosophical essays. Cambridge: Polity Press, 2008a.
24. Habermas J. Modernity: An unfinished project // Habermas and the Unfinished Project of Modernity / eds. M. P. d'Entrèves and S. Benhabib. Cambridge: MIT Press, 1997.
25. Habermas J. Notes on post-secular society // New Perspectives Quarterly. 2008b. Vol. 25 (4).
26. Habermas J. Religion and Rationality: Essays on Reason, God and Modernity. Cambridge: Polity Press, 2002.

27. Possamai A. Post-secularism as the secularism of the exit of secularism: Australia as a case study of passé secularism // Critical Research on Religion. 2025. Vol. 13 (2).
28. Possamai A., Possamai-Inesedy A. Freedom of religion in post-secular Australia // Social Compass. 2021. Vol. 68. No. 3.
29. Ratti M. The Postsecular Imagination: Postcolonialism, Religion, and Literature. L. – N. Y.: Routledge, 2013.
30. Shook J. R. The time has arrived for post-post-secularism // Secular Studies. 2023. Vol. 5. No. 1.

Информация об авторах | Author information

RU

Тонковидова Анна Викторовна[1], PhD
Орлов Михаил Олегович[2], д. филос. н., доц.
[1] Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, г. Краснодар
[2] Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

EN

Anna Viktorovna Tonkovidova[1]
Mikhail Olegovich Orlov[2], Dr
[1] Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar
[2] Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky

[1] *tonkovidova@mail.ru,* [2] *orok-saratov@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.07.2025; опубликовано online (published online): 04.09.2025.

Ключевые слова (keywords): постсекулярность; постпостсекулярность; концептуальная модель соборности; постметафизическое мышление; положительная диалектика; postsecularity; post-postsecularity; conceptual model of sobornost; post-metaphysical thinking; positive dialectic.